

I.

Ищущіе Бога.

Въ чешской Прагѣ второй годъ издается небольшой иллюстрированный журналъ „Velegradskij Vestnik“ *)—органъ, имѣющій цѣлю распространеніе идеи соединенія церквей. Въ недавно вышедшемъ № 1—2 этого журнала въ числѣ прочаго, въ общемъ весьма интереснаго литературнаго матеріала, помѣщена статья А. Р. подъ заглавіемъ „Ищущіе Бога“. Статья эта такъ интересна, особенно для насъ русскихъ, что, увѣренъ, внимательный читатель не посѣтуетъ на меня, если я ее приведу здѣсь почти цѣликомъ.

I.

Достоевскій назвалъ русскій народъ „богоносцемъ“. Нашъ народъ правильнѣе назвать „богонскателемъ“.

Исканіе Бога—русское національное явленіе. Старообрядчество, распадающееся на массу развѣтвленій и безчисленныя секты, плодящіяся, какъ грибы послѣ дождя, какъ нельзя лучше говоритъ объ этомъ исканіи. Масса господствующей церкви также въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи: разными путями и въ разныхъ формахъ она ищетъ Бога и всегда стоитъ предъ бездной важнаго вопроса.

*) Адресъ: Bohemia, Praha II, 200.

Какъ жить по Божьи? Какъ спастись? Тотъ путь, который указываютъ ей, какъ непреложный, она подвергаетъ сомнѣнію.

Нѣтъ, не здѣсь Богъ, не такъ нужно жить по Божьи. Она не останавливается, не замираетъ, а ищетъ и ищетъ.

Отсюда—скитальчество по монастырямъ, пустынникамъ, затворникамъ, юродивымъ. Для многихъ это—простое поклоненіе святынь, паломничество, даже удовлетвореніе суевѣрнаго чувства, но для нѣкоторыхъ это путь исканія. У насъ дома нѣтъ „Божьей жизни“. Не найду ли я гдѣнибудь? Не откроетъ ли святой отецъ, живущій сорокъ лѣтъ въ затворничествѣ, какъ намъ спастись, какъ устроить свою жизнь, какъ найти Бога? Я зналъ одного вѣчнаго искателя. Уже сѣдой, но живой, подвижный человекъ. Его семья жила въ Подольской губерніи. У него домъ, хозяйство, торговля. Но ничто не мѣшало ему горѣть внутреннимъ огнемъ.

Услышите-ли, или прочтете, что тамъ-то открылась новая секта, или узнаете, что Толстой сказалъ новое слово,—сейчасъ же складываетъ свой чемоданъ и идетъ къ сектантамъ или къ Толстому. Въ вагонѣ—очки на носу и Библия въ рукахъ, или разговоръ о Богѣ и душѣ съ крестьяниномъ. За послѣдніе три года онъ что то не появляется въ Москвѣ,—можетъ быть, умеръ. А прежде я видѣлъ его раза два въ годъ. Помню первый его разговоръ со мной.— У васъ въ такой-то сектѣ есть такое-то. Я пріѣхалъ поговорить по этому поводу. И началось религиозное словопреніе. Онъ опровергалъ и въ тоже время пытливо велушивался. Нѣтъ-ли чего-нибудь новаго? Онъ былъ у массы людей, интересовался религиозными вопросами. Со всѣми говорилъ. Я спросилъ его. „Вы не сектантъ“? „Нѣтъ, не установился мнѣніемъ“—отвѣтилъ онъ. „Все ишу, всю жизнь ищу“. И затѣмъ: „Вотъ говорятъ: на Волгѣ, около Камышина, появилась новая секта. Вы ничего не слыхали? Поѣду туда—распрошу. Можетъ быть истинная“. Въ рѣдкой толпѣ богомольцевъ вы не найдете

человѣка, который о цѣли своего путешествія скажетъ такъ: „Иду поклониться преподобному“... А потомъ посмотрѣть, нѣтъ-ли гдѣ праведной жизни. Помню: на волжекомъ пароходѣ сѣдобородый паломникъ торжественно—печально рассказывалъ мнѣ. „Гдѣ я только не былъ, обошелъ, почитаю, все монастыри, былъ въ Иерусалимѣ и на Афонѣ, Стародубѣ у раскольниковъ, какихъ сектъ не видалъ, съ какими людьми не говорилъ,—и нигдѣ не нашелъ правильной Божьей жизни. Не живутъ люди, а колотятся. Одни говорятъ: „Идите къ намъ—у насъ истина“. Другіе: „Нѣтъ, къ нимъ не ходите—у насъ она“. А истина, господинъ, одна, ибо Богъ одинъ“...

За послѣдніе годы богоискательство особенно развилось. На нашихъ глазахъ совершается великая перестройка фигуры. Политика, съ ея барабаннымъ боемъ, шумомъ и пустотой результатовъ утомила всѣхъ. А такъ какъ общественную жизнь нельзя нивелировать и сдѣлать безстрастно-равнодушной, какъ нельзя каждаго отдѣльнаго человѣка заставить интересоваться всемъ въ одинаковой степени, стали просыпаться и завоевывать первое мѣсто другіе интересы. Совершается поворотъ изъ области политики въ область религіозной жизни. Поворотъ медленный, но неуклонный. Не только въ провинціи, но даже въ столицѣ, гдѣ такъ ярка народная виѣшность и такъ мало времени на то, чтобы заглянуть въ свою душу—этотъ поворотъ уже замѣтенъ теперь.

Стали искать Бога и тѣ, кто доселѣ былъ равнодушенькъ Нему, и тѣ, у кого не хватало времени на Бога. Тѣ же, которые не разставались съ Богомъ, стали очищать свою религію отъ наростовъ виѣшности, условности, стали одухотворяться.

Я понимаю, почему наше духовенство кричитъ: „Слабѣетъ вѣра въ народъ“... Приношенія стали ничтожныя, а критика жестокая. Религія очищается, одухотворяется, Бога перестали искать въ переднемъ углу, а ищутъ въ небесахъ. Усиливается сектантство. Порываетъ съ буквой

старообрядчество и стремится „впередъ и выше“. Милліоны обновляющихся людей идутъ по этому пути.

Подъ Москвой есть одинъ бойкій желѣзнодорожный центръ—мастерскія съ сотнями рабочихъ. Прежде тамъ безраздѣльно парила политическая непримиримость махроваго соціалъ-демократическаго цвѣта. Все было въ политикѣ, и все черезъ политику. Теперь тамъ иная картина. Непримиримые ходятъ на сектантскія бесѣды и очень увлекаются религіозно-нравственными вопросами. О нихъ мнѣ говорили сектанты: „благородный матеріаль“. Непримиримость осталась и обрушилась на нашихъ противниковъ. Но мягкость религіозная уже коснулась ихъ душъ и воздѣйствовала сильно. Отъ правовѣрія соціалъ-демократіи не осталось и слѣда. Появилась какая-то странная смѣсь религіи и политики, при чемъ такъ много религіи, что политика кажется недоразумѣніемъ, наводненіемъ. Эти люди были религіозны всегда, и лишь на время засычала въ нихъ религія.

Любопытно, что въ религіи эти люди ищутъ не одного утѣшенія въ неудачахъ и умиретворенности. Отъ религіи требуютъ и въ ней находятъ новыя формы борьбы.

II.

Я знаю одно групповое религіозное исکانіе. Ему уже двадцать лѣтъ жизни. Оно вросло корнями въ землю. Съ точки зрѣнія группы, оно уже не исکانіе, ибо Богъ найденъ, найдена форма „Божьей жизни“. Такое групповое исکانіе вѣройнѣ любопытно теперь, когда религіозные интересы развиваются, захватывая все большій кругъ людей. Я разумѣю *неплюевское трудовое братство* въ Черниговской губерніи. На дняхъ я посѣтилъ его.

Образованіе братства—смертныя муки роженицы. Это тѣмъ болѣе удивительно, что братство сверху до низу православно. Исторія его очень характерна для того строя, въ которомъ мы недавно жили, да и теперь въ сущности не перестаемъ жить.

Основатель братства — недавно умершій Николай Николаевич Неплюевъ, „каюшійся дворянинъ“, крупная и оригинальная личность, съ сильной волей. По рожденію и воспитанію онъ былъ человѣкъ высшего, аристократическаго круга. Колоссально богатъ. Словомъ все даннаго для безпечальной жизни, которой живутъ люди его круга и его средствъ. Его прадедъ былъ вельможей екатерининской эпохи. Во время нашествія Пугачева губернаторствовалъ въ Оренбургѣ. Былъ награжденъ многими деревнями и, дряхлый, доживалъ вѣкъ гдѣ-то около Петербурга. Императрица шутливо писала своему старому любимцу: „Почему ты не появляешься при дворѣ? Все невѣсты по тебѣ соскучились“... Его дѣти были также близки ко двору. Одинъ изъ Неплюевыхъ былъ любимцемъ Павла. Отецъ Н. Н. былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Черниговѣ. И самъ Н. Н., послѣ окончанія курса въ университетѣ, началъ было блестящую карьеру въ мюнхенскомъ посольствѣ. Но потомъ однимъ взмахомъ поставилъ крестъ на карьерѣ, подалъ неожиданно для отца въ отставку и пріѣхалъ въ черниговскую деревню — къ народу.

Отецъ долго смотрѣлъ на демократическія выходки своего сына, какъ на чудачества избалованнаго человѣка. Но въ этихъ „чудачествахъ“ прошла вся жизнь Н. Н. Въ этихъ „чудачествахъ“ проходитъ жизнь его двухъ сестеръ и матери, урожденной баронессы Шлиппенбахъ. Они не выѣзжаютъ изъ братства и продолжаютъ дѣло покойнаго брата и сына.

Чтобы научиться сельскому хозяйству, Н. Н. слушалъ лекціи въ Петровской академіи. Здѣсь онъ поставилъ печатно вопросъ о „священной обязанности русскаго дворянства“. Самъ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ такъ: Въ крѣпостное время помѣщики давали крестьянамъ матеріальныя блага, да и то скудныя, о просвѣщеніи же ихъ совершенно не заботились. Настала воля. Крестьянамъ дали землю, но продолжали игнорировать развитіе ихъ духовной личности. Между тѣмъ священная обязанность

русскаго дворянства, и до воли и послѣ воли—просвѣщать крестьянина.

Это просвѣщеніе Неплюевъ и сдѣлалъ задачей всей своей жизни. Онъ хотѣлъ искупить вину своихъ предковъ предъ народомъ. Собственно, съ такой задачей, онъ могъ быть уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ этой должности „насаждать“ образованіе въ своемъ уѣздѣ. Но Н. П. былъ слишкомъ крупнымъ человѣкомъ, чтобы замереть на идеалахъ предводителя дворянства.

Въ его міросозерцаніи основнымъ угломъ была религія.

Всякое знаніе для него имѣло цѣну постольку, поскольку оно соединялось съ вѣрой въ Бога и нравственной чистотой. Эта сторона шла у него впереди и проникала во все поры жизни. Три подвига онъ требовалъ отъ людей: подвига вѣры, подвига любви и подвига труда.

Благотворительность онъ считалъ вредной: она неразборчива и можетъ неволью способствовать грѣху.

Его идеаль: маленькая ячейка людей, собравшаяся во имя Бога, воспитавшая себѣ „дисциплину любви“, равноправія, нравственно чистая, живущая одной семьей въ земледѣльческомъ трудѣ и молитвѣ. Постепенно эта ячейка будетъ увеличиваться.

Отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу. Основалъ въ своемъ имѣніи „трудовое братство“. Сначала набралъ у сосѣднихъ крестьянъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ свою школу. Обучилъ ихъ грамотѣ. Потомъ основалъ для нихъ низшее сельско-хозяйственное училище, по окончаніи котораго они остались въ братствѣ и стали вести братскую жизнь подъ руководствомъ основателя.

Въ 1894 году былъ утвержденъ уставъ братства, причемъ оно было подчинено православному духовному вѣдомству.

III.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, когда я подѣзжалъ къ братству, это прекраснѣйшій паркъ. Громадныя деревья совершенно скрывали строенія. Только ког-

да я въѣхалъ въ паркъ, то увидалъ цѣлый городокъ съ двухъэтажными каменными строеніями.

У братства образцовое хозяйство. Больше 1500 десятин запашки. Десятипольная система. Постоянные опыты полеводства. Братчики, между прочимъ, произвели опыт окучиванія по системѣ Демчинскаго.—И ровно ничего не вышло,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. Гнилой проэктъ.. У нихъ правильное лѣсное хозяйство. Они сами засѣяли громадную площадь земли лѣсомъ. Неурожаи у нихъ рѣдки.

Есть винокуренный спиртоочистительный заводъ. Я говорилъ имъ:—Это ваша Ахиллесова пята! Какъ хотите, а спиртъ идетъ на пропой души крестьянина. И способствовать этому едва-ли можно трудовому братству, преслѣдуемому нравственнымъ начала. Они какъ то иначе смотрятъ на это. Сами все они народъ на рѣдкость трезвый, хотя употребленіе вина у нихъ не возбранено. Одни изъ нихъ говорятъ:—Невино вино, укоризненно пьнство.—Другіе, заводъ намъ нуженъ для прокорма скота. Заводъ былъ еще до Царства. Онъ себя оправдалъ, а отца и существуетъ онъ по инерціи.

Скотоводство у нихъ образцовое. Заграничныя породы производителей.

Живутъ братчики общиною. Выстроено нѣсколько корпусовъ. Въ корпусѣ каждой семьѣ достается просторная, чистая комната. Каждый корпусъ называется семьей и носитъ названіе какого-нибудь апостола или другого святого. Есть семья св. Фомы, семья св. Іоанна и т. п.

Столовая и столъ общіе для всего корпуса. Въ определенное время все сходятся на молитву, обѣдать, ужинать. Столъ простой, но сытный. Готовятъ кушанья и убираютъ сами по очереди. Дѣти всего корпуса съ утра подъ наблюденіемъ дежурной „сестры“. Она ихъ кормитъ, водитъ гулять, съ ними играетъ. Дѣти не мѣшаютъ такимъ образомъ ни отцу ни матери въ ихъ работѣ.

Работаютъ все. У всехъ свое дѣло. Но каждый непре-

мѣнно участвуетъ въ физическомъ трудѣ. Этотъ трудъ лежитъ въ основѣ существованія братства.

Огромное хозяйство требуетъ много рабочихъ рукъ. У братства до 400 наемныхъ рабочихъ, для которыхъ устроенъ особый корпусъ. Мечта братства—не имѣть рабочихъ, и они просятъ къ себѣ желающихъ поступить въ братство.

Каждого поступающаго они держатъ на испытаніи годъ, а потомъ уже принимаютъ. Люди со сварливымъ, неуживчивымъ характеромъ, а также съ пороками лѣни, пьянства и т. п. могутъ не являться въ братство,—ихъ не прамутъ.

Каждый годъ у братства приемъ въ школы: начальныя и два сельско-хозяйственныя училища—мужское и женское. Присылаютъ дѣтей не только крестьяне окрестныхъ селеній, но богатые и даже интеллигентные люди изъ дальнихъ мѣстъ. Есть дѣти изъ Сибири. Конечно, все бесплатно. Желających поэтому сотни, а вакансій мало. Многимъ отказываютъ. Учащіеся много работаютъ на поляхъ—и вообще проходятъ прекрасную школу. При окончаніи курса каждому предоставляется свобода остаться въ братствѣ или уйти.

Въ недѣль двѣ службы. Въ Великій постъ все ѣдятъ постное.

Праведность строжайшая. Я вздумалъ справиться у нихъ о числѣ случаевъ воровства, убійствъ. Они съ изумленіемъ отвѣтили: Да развѣ у насъ это можетъ быть? За все двадцать лѣтъ ни одного случая воровства и тѣмъ болѣе убійства.

Флиртъ, даже самый невинный изгнанъ изъ братства. Молодымъ людямъ не позволяется гулять вдвоемъ, особенно вочью. Они могутъ разговаривать другъ съ другомъ только на вечерахъ, устраиваемыхъ въ семьяхъ.

На кроватяхъ женъ прибита дощечка: „Благословенъ плодъ чрева твоего“.

Священникъ у нихъ свой, братчикъ. По уставу они имѣютъ право выбора священника, утвержденіе же зависитъ отъ архіерея. Это—рѣдчайшее, чуть-ли не единственное, исключеніе изъ общаго правила.

Весь расходъ на братчика высчитанъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ не выше 150 рублей въ годъ на человѣка, причемъ только деньги на платье имъ выдаются на руки. Все остальное жизненное „довольствіе“ вылается натурой. Никакихъ другихъ денегъ братчики не имѣютъ. Всякій посторонній заработокъ, если онъ бываетъ, сдается въ общую кассу.

Конечво, хозяйство даетъ прибыль, благодаря которой является возможность расширенія его.

Каждая семья выписываетъ газету. Имѣется библіотека. Политики братчики сторонятся:—Наше дѣло Божье,—говорятъ они.

Въ училищахъ поражаетъ строгій выборъ книгъ для чтенія. Н. Н. Неплюевъ предупреждалъ братчиковъ остерегаться неразборчиваго чтенія, оно ядь. Онъ говорилъ даже, что нельзя изъ братства дѣлать кабинетъ для чтенія и увлекаться чтеніемъ. Братство прежде всего—общество физическаго труда въ обстановкѣ религіи и нравственности. Любимымъ поэтомъ братства—А. С. Хомяковъ, отецъ бывшаго предсѣдателя Государственной Думы. Въ братскомъ паркѣ въ честь его насыпанъ учениками курганъ. На курганѣ бесѣдка, увитая плющемъ, а внизу рельефъ поэта и надпись: „Христіанину—поэту и глубокому мыслителю“.

Общее впечатлѣніе отъ братства отрадное. Миромъ, тепломъ вѣетъ отъ дружной работы скромныхъ людей, впитавшихъ въ себя „дисциплину любви“ и уваженія къ человѣку, Богу и труду.

Вячеславъ Гофманъ.